

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Научная статья / Research article

Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году

Д.С. Бахарев, Е.А. Заболотных

Уральский федеральный университет; 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
dmitry.bakharev@urfu.ru, elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции численности населения Екатеринбурга накануне Первой мировой войны. Данные Первой всеобщей переписи 1897 года, которые до сих пор остаются основным источником по народонаселению городов поздней имперской России, на взгляд авторов, не являются актуальными для Екатеринбурга начала XX века даже с учетом реконструкций и экстраполяций. В то же время результаты многочисленных обследований населения в годы непрерывной социально-политической катастрофы 1917–1922 гг. в значительной степени обусловлены кризисной ситуацией и не отражают действительного уровня развития города перед вступлением в Первую мировую войну. Источником исследований выступили материалы муниципальной «переписи домовладельцев», произведенной городской управой в октябре 1913 года по требованию Министерства внутренних дел, и агрегированные данные адресного стола Екатеринбурга за ноябрь 1912 года. В качестве дополнительного источника была использована делопроизводственная документация, опубликованная статистика и публицистика. С помощью источниковедческого анализа, демографической реконструкции и историко-сравнительного метода была воссоздана картина двух мероприятий по учету населения города в 1912 и 1913 гг. силами местных властей, выполнена оценка достоверности полученных ими данных и реконструирована предполагаемая численность населения города накануне Первой мировой войны. В результате исследования, проведенного на основе анализа динамики движения населения авторы пришли к заключению, что численность Екатеринбурга уже в конце 1912 года превысила отметку в 100 тысяч. Выдвинутое предположение реактуализирует исследование по исторической демографии Екатеринбурга, который, вероятно, входил в число крупнейших городов империи, урбанизации дореволюционного Урала, степень которой, по всей видимости, недооценена, и вновь поднимает тему «цены революции» для города – численность жителей Екатеринбурга в старых границах вновь приблизилась к отметке в 100 тысяч только в 1926 году.

Ключевые слова: историческая демография, история Екатеринбурга, население Урала, переписи населения, Россия в конце XIX – начале XX в., городская управа, адресный стол

Благодарности и финансирование: Исследование проведено при поддержке проекта «Мой первый грант» Уральского гуманитарного института (УрФУ). Авторы благодарят за ценные замечания и помощь в подготовке рукописи д.и.н., профессора кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета Е.М. Главацкую и д.и.н., ведущего научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН Е.Ю. Рукосуева.

Для цитирования: Бахарев Д.С., Заболотных Е.А. Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Before the First World War: Reconstruction of the Yekaterinburg City Population in 1913

Dmitry S. Bakharev, Elizaveta A. Zabolotnykh

Ural Federal University; 51, Lenin Ave., Yekaterinburg, 620083, Russia;
dmitry.bakharev@urfu.ru, elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Abstract: The article focuses on the Yekaterinburg city (Urals, Russia) population on the eve of the First World War. We argue that 1897 Census data, which remains the main source for estimating the late Imperial Russia's urban population, are not relevant for the early 20th century Yekaterinburg.

© Бахарев Д.С., Заболотных Е.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The results of population surveys of 1917–1922 largely affected by the socio-political crisis do not reflect the actual development of the city before entering the First World War. So the numbers of 50–70 thousands traditionally used to estimate Yekaterinburg's population on the eve of the WWI is a historiographic cliché which should be corrected. Our research bases on critical analyses of the newly discovered and transcribed sources Perepis' domovladel'tsev (municipal survey of the house owners) run in October 1913 at the request of the Ministry of Internal Affairs, and the aggregated data of the Adresnyi stol (residence registration office) of Yekaterinburg collected in November 1912, as well as local statistics and newspapers. Using source analysis, demographic reconstruction, and a historical-comparative method we reconstructed the population of Yekaterinburg in 1912–1913. Our analysis shows that the city's population exceeded 100 thousand already in 1912, which means that Yekaterinburg was a dynamically developing due to rapid urbanization and became one of the few Russia's big (over 100000) cities on the eve of the WWI. While our results help better understanding of the pre-revolutionary Urals' urbanization, it also raises the need to re-evaluate the price of the Revolution 1917 the city paid, for its' population dropped drastically during the following crises and reached 100 thousand again only in 1926.

Keywords: historical demography, history of Yekaterinburg, population of the Ural, censuses, Russia in the late 19th – early 20th century, town council, residence registration office

Acknowledgements and Funding: This research is supported by Ural Institute for Humanities project «My First Grant» (Ural Federal University). We would like to thank Elena Glavatskaya, PhD&Hab. (History), Professor of the Subdepartment of Archaeology and Ethnology, Ural Federal University, Yekaterinburg; and E. Yu. Rukosuev, PhD&Hab. (History), Leading Research Fellow of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, for their comments and revisions of this paper.

For citation: Bakharev, Dmitry S., and Zabolotnykh, Elizaveta A. “Before the First World War: Reconstruction of the Yekaterinburg City (Urals, Russia) Population in 1913.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Введение

В 2009 г. численность городского населения Земли впервые превысила численность сельского, что ознаменовало промежуточную победу этого типа человеческого общежития. Институт городского поселения развивался несколько тысячелетий, в течение которых устоялся ряд базовых функциональных сущностей города – административный центр, религиозный центр, военный центр, торгово-ремесленный центр и др. В эпоху индустриальной революции XIX–XX вв. к уже описанным видам города добавился город – промышленный центр, что в десятки раз ускорило темп урбанизации¹. Новый виток этого процесса начался в конце XX в. с массового переселения уже не только сельчан, но и горожан в более привлекательные города. Рост современных мегаполисов происходит, в первую очередь, за счет «обезлюдения» малых городов, в т. ч. в России, где население концентрируется в региональных столицах, Московской и Санкт-Петербургской агломерациях². Главной проблемой в исследованиях межгородской конкуренции за население является вопрос генезиса преимуществ, т. е. конкретных обстоятельств, которые сделали тот или иной город лидером урбанизационной гонки. Вне зависимости от выдвигаемой гипотезы неизбежным будет обращение к истории конкретного поселения, в первую очередь динамике численности его жителей. К сожалению, отечественные реалии не всегда дают возможность это сделать – даже для конца XIX и начала XX в. статистика народонаселения оставляет желать лучшего, что создает известную проблему, т. к. именно этот период являлся временем интенсивного экономического роста для Российской им-

¹ Махрова А.Г., Фадеев В.И., Вигасин А.А., Фролов Э.Д., Уваров П.Ю., Черных А.П., и др. Город // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2016. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2371305 (дата обращения: 30.08.2019). Более подробно историю российской урбанизации см.: Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 78–89; Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. С. 101–113; Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // *Отечественные записки*. 2012. № 2. С. 259–276.

² См.: Мкртчян Н.В. Внутророссийская миграция в региональных столицах и нестоличных территориях // *Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН*. 2018. Т. 16. С. 568–576.

перии, а также преддверием политических и социально-экономических потрясений мирового масштаба.

Этим объясняется цель исследования – реконструкция численности населения Екатеринбурга на 1913 г. Современный Екатеринбург – четвертый по населению город РФ, столица Свердловской области, один из главных центров притяжения населения азиатской России. Изучение населения «старого» города позволит восстановить лакуны в демографической истории, определить факторы, обусловившие его «историю успеха», дополнить количественными данными исследования, посвященные повседневности и идентичности исторического Екатеринбурга. Выбор 1913 г. в качестве хронологической привязки, в свою очередь, является результатом совпадения подходящего источника и исторической актуальности. «По сравнению с 1913 годом» – знаменитый советский штамп, говорящий сам за себя. Страна, пережившая Русско-японскую войну, Революцию 1905–1907 гг. и находившаяся в фазе интенсивного социально-экономического прогресса, успела разительно измениться после Первой всеобщей переписи 1897 г. и, в то же время, еще не вступила в Первую мировую войну и последовавший за ней непрерывный социально-политический кризис 1917–1922 гг. И именно для этого ключевого предвоенного периода в Государственном архиве Свердловской области (далее – ГАСО) авторами был обнаружен уникальный источник – обследование населения Екатеринбурга городскими властями в 1912–1913 гг.

Историками было предпринято несколько попыток реконструкции численности населения Екатеринбурга начала XX в., как для отдельных лет, так и для целых периодов. Как правило, единственной контрольной точкой помимо 1897 г. в них является городская перепись 1917 г., по результатам которой население города составило 71,5 тыс. человек³. Однако очевиден ситуативный характер этого числа, сильно искаженного Первой мировой войной (Февральская революция случилась через полтора месяца после переписи). В пользу этого говорит сильный гендерный дисбаланс – 30 454 мужчины и 41 033 женщины, а также результаты анализа А.Г. Козлова, согласно которому помимо переписанных горожан в Екатеринбурге временно находились около 60 тыс. солдат и рабочих, а фактическая численность населения города с пригородами составляла около 150 тыс.⁴ Исследователями довольно некритично применяются как первое число⁵, так и второе⁶. Лишь А.В. Чащин попытался заполнить лакуну между 1897 и 1917 гг., используя, по всей видимости, сведения Центрального и губернского статистических комитетов (далее – ЦСК и ГСК)⁷, которые известны своей высокой погрешностью и не могут быть приняты на веру без тщательного анализа. Таким образом, у нас нет четких представлений о численности населения Екатеринбурга в начале XX в. Во всероссийских масштабах эта проблема частично купируется большим количеством региональных статистических обследований, одно из которых было проведено городской управой Екатеринбурга в 1913 г. по требованию Министерства внутренних дел (далее – МВД) в рам-

³ Бахарев Д.С. Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // *Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исследовательские проблемы, открытия*. Материалы межрег. конф., приуроч. к 100-летию революционных событий в России 1917 г., 27 октября 2017 г. Челябинск, 2017. С. 81.

⁴ Козлов А.Г. О населении Екатеринбурга во второй половине 1916 и в начале 1917 гг. // Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск: УрГУ, 1950. С. 244.

⁵ Алексеев В. Город в сердце Евразии // *Родина*. 2003. № 8. С. 102.

⁶ Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // *Известия Уральского государственного университета*. 1998. № 9. С. 97.

⁷ Чащин А.В. Демографическая характеристика Екатеринбурга (Свердловска) в 1897–1926 гг. // *Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов* (Пермь, Перм. гос. ун-т, 4–8 февраля 2010 г.). Пермь, 2010. С. 138.

ках подготовки к реформе Городового положения (1892 г.). Управа организовала целый комплекс мероприятий, результат которых оказался во многом противоречивым. В силу этого главными задачами данной работы является источниковедческий анализ материалов обследования населения Екатеринбурга 1912–1913 гг., хранящихся в фондах ГАСО, контекстуальная интерпретация демографических данных и частичная историко-динамическая реконструкция численности и состава населения города в начале XX в. Помимо самого обследования в качестве источников были использована делопроизводственная документация городской управы Екатеринбурга, опубликованные протоколы Государственной думы Российской империи, местная дореволюционная периодика, данные текущего учета населения ГСК и результаты переписей екатеринбургского населения XIX – первой половины XX в.

Подготовка к реформе Городового положения

К 1913 г. города Российской империи уже больше двадцати лет жили по Городовому положению 1892 г., принятому в рамках городской контрреформы Александра III. Этот документ, более проработанный в техническом смысле, чем реформаторское положение 1870 г., увы, фундаментально оказался шагом назад вследствие резкого сокращения числа избирателей из-за введения высокого имущественного ценза и фактического подчинения органов самоуправления государственной власти⁸. Новое положение изначально не вызвало больших восторгов в обществе, и уже в XX в. началась бурная дискуссия о необходимости новой реформы городского самоуправления⁹. Накануне Первой мировой войны Государственной Думой и МВД одновременно начали предприниматься подготовительные работы к будущей реформе. Оба органа власти соперничали между собой в этом отношении, стремясь перехватить инициативу: либеральная думская фракция боролась за демократизацию Городового положения (введение «четырёххвостки»¹⁰ и отделение органов самоуправления от государственной власти), а МВД – за сохранение высокого избирательного ценза и подчинение самоуправления государству. Консервативное большинство Думы четвертого созыва занимало промежуточную позицию: не поддерживая идею всеобщих и равных выборов, оно, тем не менее, осторожно выступало за независимость самоуправления от государства¹¹. В начале 1913 г. либеральными депутатами Государственной Думы была сформирована так называемая «городская парламентская группа» в составе 37 человек, целью которой было реформирование текущего Городового положения. Их первым шагом стало внесение 27 февраля в думскую повестку законодательного предположения о реформе, чьим центром тяжести были уже упомянутые два принципа – независимость и всеобщая выборность городского самоуправления¹². Однако буквально через два месяца, на думском заседании 5 мая, консервативное большинство, отложив непосредственное изучение законопроекта, отправило его в комиссию по городским делам на «заключение по вопросу о желательности», т.е. фактически отказало в рассмотрении¹³. Однако де-

⁸ *Арсеньев К.* Город // ЭСБЕ. Т. IX. 1893. URL: <https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4&oldid=3598691> (дата обращения: 01.08.2019).

⁹ См. подборку источников по теме: Пересмотр Городового Положения 1892 г. URL: <http://reformshistory.ru/diskussii/157-reformy/reformy-nikolaya-vtorogo/443-peresmotr-gorodovogo-polozheniya-1892-g> (дата обращения: 13.07.2019).

¹⁰ Прямое, равное, тайное и общее голосование.

¹¹ См.: Пересмотр Городового Положения.; Гос. дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 2: Заседания 31–54: (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 801–821.

¹² Приложения к стенографическим отчетам Гос. думы. Четвертый созыв, сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. 2: (№ 151–270). СПб., 1913. № 167.

¹³ Гос. дума. Четвертый созыв ... Стб. 821–822.

путаты – члены городской парламентской группы, судя по всему, не отказались от своей идеи. По сообщению петербургской газеты «День» парламентская группа разослала по городам империи анкету для сбора сведений об их современной жизни¹⁴. По всей видимости, именно эта анкета была обнаружена в фонде Екатеринбургской городской управы ГАСО. Она содержала вопросы о численности горожан, избирателей, домовладельцев и квартиронанимателей; состоянии городских финансов и взаимодействии города с земством; законодательных инициативах и предложениях управы¹⁵. И хотя на содержащемся в архиве документе сделана карандашная помета «Отправить не позже 1 сен», ответы на эти вопросы так и не были даны – МВД, узнав об инициативе парламентской группы, запретило управам отправлять ей какие-либо сведения, в то же время разослав по городам собственный опросный лист¹⁶.

Министерский запрос, в отличие от парламентского, требовал от управ гораздо более конкретных и одновременно развернутых данных; им требовалось заполнить пять таблиц, исчисляющих на 1-е января 1913 г. всех граждан города по национальностям (1), плательщиков городского оценочного сбора (2), плательщиков государственного налога с городских недвижимых имуществ (3), плательщиков государственного квартирного налога (4), плательщиков государственного промыслового налога (5). Налогоплательщики (таблицы 2–5) должны были быть распределены по классам в зависимости от стоимости их недвижимости или размера уплачиваемого налога, по национальностям, по роду занятий и образованию¹⁷. Интересным является подход к определению национальности, описанный в объяснениях к таблицам: «При определении лиц русского происхождения надлежит руководствоваться бытовыми признаками, т.е. языком, употребляемым в домашнем обиходе, и как вспомогательным признаком – вероисповеданием»¹⁸. То есть произошел сдвиг от традиционной для имперской статистики конфессиональной идентификации к языковой.

«Перепись домовладельцев» Екатеринбурга

В Екатеринбург циркуляр № 2920 за подписью пермского вице-губернатора Владимира Ивановича Европеуса о необходимости сбора этой информации пришел 22 августа 1913 г. и сразу же вызвал вопросы у представителей городской управы¹⁹. Ее сотрудников интересовало, можно ли при заполнении таблиц МВД ограничиться уже имевшимися данными или нужно проводить специальное обследование населения. Последнее было запрещено циркуляром МВД в преддверии планировавшейся в 1915 г. Второй всеобщей переписи, чтобы лишний раз не беспокоить горожан²⁰. В ответе губернатор указал, что запрещены опросы по инициативе города, а в данном случае речь идет о задании правительства; управа обязана предоставить максимально достоверные сведения, не останавливаясь, в т.ч. и перед опросом горожан²¹. Таким образом, екатеринбургская администрация оказалась перед выбором – проводить опрос населения либо взять информацию из системы текущего учета, которая состояла, в первую очередь, из адресного стола. В процессе выбора муниципальные служащие обратились за советом в пермскую управу, осведомляясь о том,

¹⁴ Пересмотр Городового Положения ...

¹⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 155–159.

¹⁶ Пересмотр Городового Положения ...

¹⁷ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 135–144.

¹⁸ Там же. Л. 136.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 5.

как она собирается решать эту проблему. Ответ, в котором пермяки сообщали, что не собираются проводить специального опроса населения, пришел в Екатеринбург только в середине сентября; не дождавшись его, администрация при поддержке городской думы приняла решение о проведении обследования.

Речь, разумеется, не шла о полноценной переписи населения – мероприятии, требующем длительной подготовки и значительных затрат. Понимая нацеленность запроса МВД на учет потенциальных избирателей – налогоплательщиков, управа составила план так называемой «переписи домовладельцев». Согласно ему восемь счетчиков в течение месяца должны были обойти всех домовладельцев Екатеринбурга и опросить их на предмет национальности, рода занятий и образования как их самих вместе с членами семей, так и квартирантов. Целью было переписать лишь постоянное население, поэтому заявлялось следующее: «Надлежит принимать в счет только лиц, живущих в городе постоянно. К категории таких лиц относятся все как наличные, так и кратковременно отсутствующие члены семьи – взрослые и дети, – равно живущие с ними лица, хотя к семьям и не принадлежащие, но постоянно проживающие в городе (нахлебники и прислуга). ... Иногородние лица, проживающие в городе временно, в счет не принимаются»²². На зарплату счетчикам, печать карточек и обработку материалов думой были одобрены ассигнования в размере 1 000 рублей²³. Дата начала работы счетчиков – 9 (по данным местной газеты «Зауральский край»²⁴) или 10 сентября (из документов управы²⁵). Судя по всему, с самого старта переписи число счетчиков было увеличено с 8 до 13 или 17: о 13 сотрудниках общалось в прессе²⁶; в списках управы по учету выданных посемейных карточек и денег за работу суммарно указано 17 фамилий²⁷. Учитывая дату последней выплаты, 28 сентября, и отдавая предпочтение архивным данным как первоисточнику, можно предположить, что перепись домовладельцев Екатеринбурга была проведена силами 17 счетчиков с 10 по 28 сентября. Регистраторами были заполнены 4 228 карточек, а общая численность переписанного населения составила 54 393 чел.²⁸. Однако это число не было окончательным: уже с 14 октября управа начала переписку с городскими учреждениями, чьи коллективы были неподотчетны городу (с 28 сентября до 14 октября, вероятно, происходила обработка карточек и составление единой таблицы). Так, наличная численность войск в Екатеринбурге, включая 195-й пехотный Оровайский полк, управление уездного воинского начальника, конвойную

²² ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 14. Постоянное, или оседлое население, по определению того времени – это «обычно проживающее в данном месте страны; цифра его получается, если прибавить к числу наличного населения число всех временно отсутствующих и вычесть всех временно присутствующих в каждом данном месте страны». См.: *Миклашевский И.Н.* Переписи // ЭСБЕ. Т. XXIII. 1898. URL: <https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B8&oldid=3627507> (дата обращения: 10.09.2019). Важно заметить, что речь идет не о приписном населении – другой категории учета.

²³ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 9–10. Для сравнения: в начале 1917 г. на проведение уже полноценной переписи населения с участием 300 счетчиков городская дума выделила 8 700 рублей. С учетом того, что за период 1914–1916 гг. индекс цен составил 94 %, т. е. указанная 1 000 рублей увеличилась бы почти в два раза в 1917 г., эта сумма выглядит вполне приемлемой для проведения куда менее масштабного мероприятия. См.: *Бахарев Д.С.* Городская однодневная перепись Екатеринбурга... С. 78; *Миронов Б.Н.* Погрузившая в смуту и украсившая победу Революция // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. № 4. С. 695.

²⁴ Перепись населения // Зауральский край. № 190. 1913. С. 3.

²⁵ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 13.

²⁶ Перепись населения // Зауральский край. № 190. 1913. С. 3.

²⁷ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 18–26. Здесь приводим все фамилии, в том виде, в каком они были расшифрованы нами: Несмеянов, Михалев, Пермкин, Коковин, Бояршинов, Онуфриев, Колтышев, Петер, Смирнов, Мартынов, Быков, Патокин, Микульский, Рыков, Дулыгин, Старцев, Огарков. Огарков не упомянут в числе получивших деньги, а Дулыгин – в числе получивших карточки.

²⁸ Там же. Л. 124.

и местную команды и пациентов лазарета, составила 2 348 человек, в Ново-Тихвинском женском монастыре было зарегистрировано 974 жителя, включая 90 человек вспомогательного персонала, а в Екатеринбургской тюрьме – 831 человек. Итоговая численность населения составила 58 546 человек и распределялась по национальностям следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1 / Table 1

Население Екатеринбурга по результатам переписи домовладельцев в сентябре 1913 г. / Yekaterinburg city population according to the homeowners' survey in September 1913²⁹

		Национальность	Численность
СОСТОЯЩИЕ В РУССКОМ ПОДДАНСТВЕ	Русского происхождения	Православные, старообрядцы и сектанты	51 387
		Прочих вероисповеданий	19
	Немцы		414
	Поляки		403
	Литовцы		3
	Латыши		9
	Эсты		15
	Татары и другие магометане		956
	Армяне		6
	Евреи		1 061
	Прочие		35
	Иностранцы		
Наличный штат гарнизона, монастыря и тюрьмы ³⁰			4 153
Всего			58 546

Источник: ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 136.

Однако 30 октября произошло неожиданное: управа, не дожидаясь окончания переписки (последние письма от начальника гарнизона и коменданта тюрьмы пришли только 31 числа), запросила у полицмейстера Екатеринбурга данные о численности и составе населения города по сведениям адресного стола – то есть воспользовалась альтернативным путем сбора информации, от которого отказалась в самом начале.

Чтобы до конца понять природу и ценность этих данных, необходимо представлять механизм работы этой конторы. Адресные столы в поздней имперской России создавались в крупных городах с большой «текучкой» населения и были фактически учреждением смешанного гражданско-полицейского характера, главной целью которых был сбор сведений о наличном населении города и предоставлении их по запросу официальным и частным лицам. Нам неизвестна точная дата основания адресного стола в Екатеринбурге: впервые управа вместе с полицмейстером поставили этот вопрос перед думой в 1896 г., во второй раз – уже в 1904 г.; вполне возможно, что именно тогда это ходатайство и было удовлетворено. Так или иначе, к 1912 г. адресный стол в Екатеринбурге был. О механизме его работы мы можем судить по проекту «Положения об адресном столе в г. Екатеринбурге»³¹, представ-

²⁹ Орфография приближена к современной; за исключением строки, включающей численность штата гарнизона, монастыря, тюрьмы, и, соответственно, итоговой суммы, источник воспроизведен в неизменном виде.

³⁰ Учреждения предоставляли управе информацию лишь об общей численности штата без разделения по национальностям.

³¹ Мы понимаем, что итоговый документ мог отличаться от проекта, но за неимением других источников вынуждены опираться на него.

ленном управой в думу в 1904 г. Адресный стол состоял из двух сотрудников – начальника, назначаемого по соглашению между городским головой и полицмейстером, и писаря, назначаемого только полицмейстером³². Сведения о населении в стол поступали через полицейских приставов из домовых книг. Все домовладельцы города должны были в обязательном порядке купить такую книгу и занести в нее всех членов семьи. Квартирант, остановившийся в городе более чем на сутки, должен был предъявить домовладельцу паспорт или иной вид на жительство для регистрации в книге. Помимо домовой книги домовладелец (или домоуправитель) заносил те же самые сведения в адресный листок в двух экземплярах, которые позже передавал приставу. Один экземпляр листка оставался в полиции, а второй – в адресном столе. Если квартирант съезжал, то производилась та же операция, только в этот раз фиксировалась информация о выбытии³³. Первоначально прописке подлежали мужчины с 18 лет и женщины с 21 года, однако, судя по комментарию полицмейстера (примечание к табл. 2), можно предположить, что к 1913 г. этот порог снизился до 14 лет для обоих полов.

Ответ полицмейстера с пометкой «Экстренно» пришел уже на следующий день, 31 октября, и содержал информацию, представленную в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Статистика населения города Екатеринбурга по адресному столу к 1-му января 1913 г. / Population statistics of Yekaterinburg city according to the residence registration office data in 1st January 1913³⁴

Православные		Лютеране		Католики		Иудеи		Магометане		Другие		Всего	
М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
35 024	34 177	512	377	587	364	679	456	2 854	1 139	136	43	39 792	36 556
												76 348	

Примечание. В указанное число жителей не вошли: заключенные в местной тюрьме 900 чел.; Оровайский полк 1 800 чел., местная команда 140 чел., конвойная команда 20 чел., местный лазарет 20 чел., Управление воинского начальника 20 чел., Александровская богадельня 175 чел., Архиерейский дом 45 чел., женский монастырь 700 чел., дети моложе 14-летнего возраста и все учащиеся низших и средних учебных заведений хотя бы и достигшие 14-летнего возраста, например: мужская гимназия 550 чел., реальное училище 450 чел., духовное училище 180 чел., торговая школа 170 чел., епархиальное училище женское 300 чел., 1-я женская 750 чел., 2-я женская гимназия 485 чел., прогимназия Румянцевой 320 чел., детское убежище 120 чел., Нуровский приют 50 чел., а также и жители пригородов: Верх-Исетского завода, Березовского завода, села Шарташ и села Уктус. Кроме сего необходимо отметить, что дети не учащиеся свыше 14 лет далеко не все прописаны в адресном столе, так как хотя требуется, чтобы дети свыше 14 прописывались, но в действительности это не исполняется.

Источник: ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 101.

Столь быстрый ответ полицмейстера связан с тем, что в ноябре 1912 г. администрация уже посылала в адресный стол запрос о численности населения Екатеринбурга. Именно тогда сотрудниками адресного стола и была подготовлена эта таблица³⁵. Спустя почти год, когда управа затребовала сведения о населении города по состоянию на 1-е января 1913 г., адресный стол лишь заменил дату в названии

³² В 1913 г. адресным столом Екатеринбурга заведовал коллежский регистратор Михаил Петрович Тереховкин. См.: Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1913 год. Пермь, 1912. Отдел III. С. 43.

³³ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 122. Л. 18–21.

³⁴ Орфография и пунктуация приближены к современным, опущены подписи и визы; в остальном содержании документа, включая примечание, воспроизведено в неизменном виде.

³⁵ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 523. Л. 5 об. – 6.

таблицы, что можно понять: силами лишь двух сотрудников подсчитать и классифицировать десятки тысяч адресных листков – немалый труд, который требовал времени, в то время как управа запрашивала сведения как можно скорее. Таким образом, адресный стол определил число горожан по состоянию на 1-е ноября 1912 г., а не 1-е января 1913 г.; в дальнейшем тексте мы будем использовать именно эту датировку.

В итоге к 1 ноября у городской управы Екатеринбурга оказались на руках два кардинально различающихся варианта численности населения: 58 546 чел. по данным переписи домовладельцев и 83 453 чел. по данным адресного стола³⁶. Нам неизвестно, чем конкретно руководствовались муниципальные управленцы при принятии решения, но 5 ноября ими были отправлены в Пермь итоговые таблицы МВД, включавшие число горожан по данным адресного стола³⁷.

Реконструкция и интерпретация данных источника

Прежде чем приступать к выстраиванию контекста вокруг обеих полученных цифр и попытке их верификации, на наш взгляд, необходимо более объективно, чем это сделала городская управа, рассмотреть сведения, приведенные адресным столом. Если процесс получения первой цифры – результата переписи – предельно ясен, то к числу 83 543, которое управа получила путем механического сложения всех возможных дополнительных данных, есть ряд претензий. Первое, что вызывает сомнение, – это сведения о наличной численности гарнизона, заключенных и монахинь, которые представляют собой исключительно округленные числа. Второе – это пренебрежение такой крупной группой населения, как дети до 14 лет. И, наконец, очевидная фрагментарность и, как следствие, сомнительная ценность сведений об учащихся. Стремясь нивелировать эти недочеты, мы проделали следующие математические операции:

– взяв «чистое» число совершеннолетних жителей Екатеринбурга (76 348), прибавили к нему численность гарнизона, монастыря и тюрьмы по данным переписки с ними управы в ходе переписи домовладельцев (4 153);

– прибавили численность Александровской богадельни (175);

– реконструировали долю детей до 14 лет по данным переписи 1897 г. для Екатеринбурга (12 294; 28 %) ³⁸.

Данные об учащихся при таком подходе остались неиспользованными в силу их неполноты. Доля детей старше 14 лет была оставлена невозстановленной, т.к. часть из них, судя по комментарию полицмейстера, была все-таки учтена. Кроме того, эта довольно небольшая группа неучтенного населения может служить противовесом традиционному для административно-полицейской статистики переучету за счет «мертвых душ».

После выполненного уточнения реконструированная численность жителей Екатеринбурга на основе данных адресного стола на конец 1912 г. составила астрономическое по тем временам число – 103 265 чел. В полной мере осознавая спорность по-

³⁶ К последней цифре управа пришла, механически сложив 76 348 со всеми приведенными в примечании числами.

³⁷ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 136.

³⁸ В 1926 г. доля детей до 14 лет в населении Свердловска также составляла 28 %, в 1920 г. доля детей до 12 лет (граница обусловлена источником) – 26 %. Таким образом, у нас нет оснований предполагать, что в 1912 г. этот параметр сильно отличался от 1897, 1920 и 1926 гг. Этот прием уже применялся исследователями для данного источника, только была реконструирована доля детей до 10 лет; см.: *Главацкая Е.М., Бобицкий А.В., Заболотных Е.А., Вишневская А.В.* Брачность в Екатеринбурге в начале XX в.: квантитативный анализ // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 110.

лученного результата из-за реконструированной доли детей, мы, тем не менее, не можем не принять во внимание такую значительную категорию населения.

Для проверки достоверности обоих чисел был проведен ряд аналитических операций. Первой из них стало сравнение прироста населения города с 1897 по 1913 гг. с аналогичным показателем для всего городского населения европейской России, а также других крупных уральских городов (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Динамика численности населения (тыс. чел.) / Population dynamics (thousand people)

Город	1897	1912–1914 ³⁹	Прирост, %
Екатеринбург (перепись домовладельцев)	43,2	58,6	35,6
Екатеринбург (адресный стол)	43,2	103,3	139,1
Пермь	45,2	68,1	50,7
Оренбург	72,4	100,1	38,3
Вятка	25,0	47,0	88
Уфа	49,3	99,9	102,6
Европейская Россия	12064,8	18596,8	54,1

Составлена по: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956. С. 89–91; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 101, 136.

Как видно из таблицы, у обеих версий есть хотя бы приблизительно сопоставимые аналоги. Кроме того, оба варианта являются самыми крайними точкам на шкале прироста, демонстрируя как самый низкий, так и самый высокий потенциальный результат.

Вторым способом проверки сведений стала реконструкция предполагаемой численности населения города через общие демографические коэффициенты. Большинство исследователей сходятся на том, что Российская империя этого периода находилась в процессе демографической модернизации, в ходе которой происходило серьезное снижение рождаемости, смертности и брачности, особенно в городской среде⁴⁰ (см. табл. 4).

Из этого можем сделать вывод, что все три показателя в 1913 г., оставаясь неизвестными нам в точности, не должны быть выше показателей конца XIX в. В нашем распоряжении есть достаточно достоверные сведения об естественном движении населения Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в., опубликованные в Памятных книжках Пермской губернии. Используя их, мы рассчитали общие коэффициенты брачности, рождаемости и смертности для населения города на 1897 г.⁴¹;

³⁹ Кроме Екатеринбурга, цифры для 1912/1914 гг. приведены по А.Г. Рашину, который использовал данные ЦСК МВД. Последние для городов были часто заниженными из-за накопительного учета механического прироста: в течение ряда лет ЦСК учитывал только естественный прирост, а затем единовременно прибавлял весь миграционный прирост за несколько лет, что приводило к скачкам в статистике населения большинства городов империи. См.: *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сборник статей / под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977. С. 63. Для Екатеринбурга, например, такой скачок был в 1914 г., когда население города по данным ЦСК выросло с 53,5 до 71,3 тыс. Эти сведения и процесс их сбора также заслуживают тщательного исследования, однако текущая работа посвящена лишь муниципальным обследованиям и их результатам.

⁴⁰ *Миронов Б.Н.* Российская империя ... С. 621–623.

⁴¹ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. Пермь, 1897. Отдел III. С. 10–11; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год. Пермь, 1898. Отдел III. С. 2–3; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Отдел III. С. 128–129; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год. Пермь, 1900. Отдел III.

они составили соответственно 7,5, 40,5 и 34,8 промилле. Реконструкция численности населения города на основании этих коэффициентов 1897 г. и показателей брачности, рождаемости и смертности для 1910–1914 гг.⁴² дала следующие результаты (см. табл. 5).

Таблица 4 / Table 4

Общие коэффициенты брачности, рождаемости и смертности городского населения европейской России, % / Crude marriage, birth and death rates of European Russia city population, %

	1859–1863 гг.	1909–1913 гг.
Брачность	10,6*	6,7
Рождаемость	38,6	25,4
Смертность	45,9	33,9

Примечание: * – коэффициент для 1860–1869 гг.

Составлено по: *Рашин А.Г. Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956. С. 245; *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: 2014. С. 552; *Он же.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. Приложение, табл. 2.

Таблица 5 / Table 5

Реконструкция численности населения Екатеринбурга на 1913 г. / The 1913 Yekaterinburg city population reconstruction

	По общему коэффициенту брачности 1897 г.	По общему коэффициенту рождаемости 1897 г.	По общему коэффициенту смертности 1897 г.
Реконструкция населения (необходимый минимум)	79 173	83 264	77 408

Составлено по: Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1912 год. Пермь, 1911. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 год. Пермь, 1912. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 года. Пермь, 1914. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1915 год. Пермь, 1915. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1916 год. Пермь, 1916. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29.

Таким образом, минимально возможное население, которое могло произвести в Екатеринбурге 1913 г. такое количество браков, рождений и смертей при сохранении коэффициентов образца 1897 г. (хотя они, несомненно, должны были снизиться) должно было достигать не менее 83 тыс. человек, что кардинально противоречит результатам переписи домовладельцев, в ходе которой было учтено лишь 58 546 человек. Объяснение такой низкой цифре, возможно, кроется в самой методике переписи. При попытке переписать постоянное население агенты управы, по всей видимости, совершили частую для русской дореволюционной статистики ошибку, смешав постоянное население с приписным⁴³. Действительно, полученное количе-

С. 4–5; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1901 год. Пермь, 1901. Отдел III. С. 4–5. Для сглаживания флуктуаций нами было взято среднее арифметическое количество рождений, браков и смертей за пятилетку с 1895 по 1899 г.

⁴² Более логичная пятилетка 1911–1915 была изменена на 1910–1914 из-за меньшего влияния на последнюю начавшейся Первой мировой войны.

⁴³ *Гозулов А.И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения) / под ред. акад. С.Г. Струмилина. М., 1936. С. 194, 195, 200.

ство горожан видится оптимальным числом для мещан и неподатных сословий. На данный момент у нас нет документальных подтверждений этой гипотезе, что, однако, не мешает принять ее в качестве рабочей. Причина выбора городской управы именно данных адресного стола в этом случае становится очевидной – после обработки результатов переписи и получение итогового числа муниципальным управленцам стала понятна его несостоятельность.

Чтобы оценить достоверность численности горожан по версии адресного стола, мы на ее основе посчитали все упомянутые коэффициенты для Екатеринбурга 1912 г., одновременно сравнив с синхронными показателями для городов европейской России (см. табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

Демографические коэффициенты для Екатеринбурга и городов европейской России в 1912 г., ‰ / The Yekaterinburg and European Russian cities demographic rates in 1912, ‰

	ОКБ	ОКР	ОКС
Екатеринбург	6	33,5	27,1
Города Евр. России	6,7*	33,4	23,8

Примечание: * – коэффициент для 1909–1913 гг.

Составлено по: *Миронов Б.Н.* Российская империя... С. 550; *Рашин А.Г.* Население России... С. 246.

Сравнение коэффициентов провоцирует поначалу кажущийся сомнительным, но математически правдоподобный вывод – численность населения Екатеринбурга в 1912 г. действительно превышала 100 тыс. человек; в ином случае Екатеринбург имел бы довольно архаичный для российского города тех лет демографический порядок, чему не было особых причин. Отклонение от средней брачности в сторону уменьшения можно связать с размером города: по классификации С.А. Новосельского, в крупных городах (с населением свыше 100 тыс. человек), к которым предварительно можно отнести Екатеринбург, процесс демографической модернизации зашел дальше и, соответственно, уровень брачности успел снизиться еще ниже. Например, в Санкт-Петербурге и Москве коэффициент брачности в 1913 г. составил 6,3 и 5,8 промилле⁴⁴. Повышенный коэффициент смертности, в свою очередь, можно списать на традиционную для Урала мужскую сверхсмертность, в т. ч. в городах⁴⁵.

После принятия в качестве рабочей гипотезы реально существующей стотысячности Екатеринбурга перед Первой мировой войной возникает закономерный вопрос о причинах его дальнейшего сокращения: даже спустя 14 лет, по результатам переписи 1926 г., численность горожан «старого» Екатеринбурга, без недавно включенных в его состав пригородов, составляла лишь 98 064 человека⁴⁶. Самое очевидное объяснение связано с демографической катастрофой 1917–1922 гг., когда, помимо очевидной высочайшей смертности и низкой рождаемости, чрезвычайно ярко проявился такой феномен, как отток населения из города в деревню. Между 1917 и 1920 гг., спасаясь от голода и репрессий новых властей, в сельскую местность бежали миллионы горожан⁴⁷. В результате за эти годы городское население страны уменьшилось с 22,6 до 15,1 миллионов человек, а сельское, наоборот, выросло со

⁴⁴ *Новосельский С.А.* Демография и статистика (избранные произведения). М., 1978. С. 204.

⁴⁵ Пермская губерния в указанный период занимала второе место по уровню смертности городского населения в европейской России, см.: *Рашин А.Г.* Население России ... С. 249–251.

⁴⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1927 г. Краткий статистический справочник. Год 2-й. Свердловск, 1927. С. 16–17.

⁴⁷ *Нарский И.В.* Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 51.

102,4 до 110,7 миллионов⁴⁸. Сходная чрезвычайно высокая убыль населения в городах из-за смертности и эмиграции также фиксировалась в европейских странах в Первую мировую войну⁴⁹.

Косвенным доказательством присутствия этого явления в том числе и в Екатеринбурге может служить динамика численности городского и сельского населения в Екатеринбургском уезде за 1912 и 1920 гг. (см. табл. 7).

Таблица 7 / Table 7

**Численность населения Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда /
Yekaterinburg city and sub-province population⁵⁰**

	Екатеринбург	Уезд	Всего
1912	103 265	381 585	484 850
1920	67 855	419 202	487 057

Составлено по: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. С. 27–29; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С. 1, Таблицы. С. 2–41.

Приводимые в таблице данные интересны практически равной суммой жителей всего уезда для обоих случаев. Это, во-первых, согласуется с представлениями о незначительно либо вообще отрицательной динамике населения в период демографической катастрофы. Во-вторых, напрашивается вывод о «перетекании» городского населения в сельскую местность. В пользу этой версии говорят данные об юридической приписке населения Екатеринбурга в начале века: среди умерших за 1912–1914 гг. прихожан Вознесенской церкви, одной из самых старых и крупных общин в городе, 59% имели неместную приписку⁵¹. По мнению американского историка Дианы Кенкер, изучавшей это же явление на примере постреволюционной Москвы, именно эта группа – горожане первого поколения, сохранявшие крепкие связи с сельской местностью – была первым и главным источником оттока населения из кризисного города⁵².

Выводы

Изучение материалов обследования населения Екатеринбурга в 1913 г. силами городской управы дает основание сделать несколько важных выводов. В результате источниковедческого анализа обеих версий численности горожан, 58 546 – по версии переписи домовладельцев и 103 265 – по версии адресного стола, можно предположить, что перепись учла лишь приписное население Екатеринбурга, хотя

⁴⁸ Гухман Б.А. Продукция и потребление СССР. К народно-хозяйственному балансу (1922/23 хозяйственный год). М., 1925. С. 10.

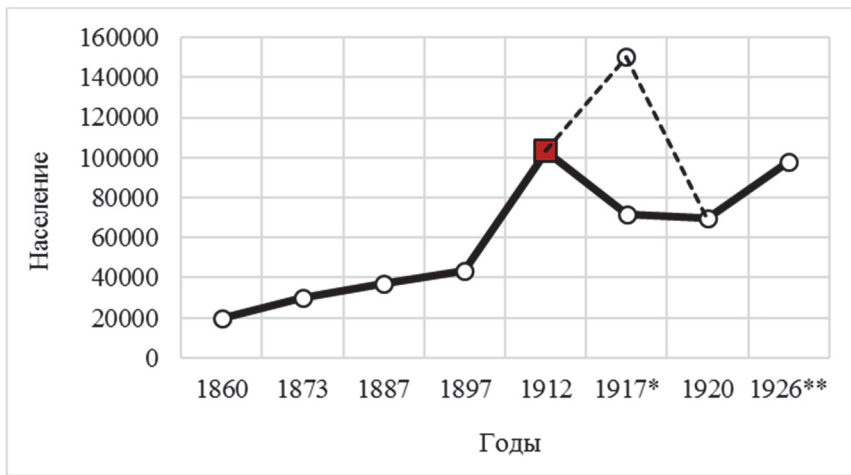
⁴⁹ Lees A. Urban Societies and Cities // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/urban_societies_and_cities (дата обращения: 27.11.2019).

⁵⁰ В 1919 г. Екатеринбургский уезд был реформирован: в его состав были включены 11 волостей из Красноуфимского уезда, а 4 его волости были переданы в новообразованную Автономную Башкирскую Советскую республику. См.: Справочник по истории административного-территориального деления Пермской области. Ч. 1. 1917–1938. Пермь, 1997. С. 5; Статистический сборник Екатеринбургской губернии... С. 3. Вследствие этого численность населения уезда пересчитана и из показателя 1920 г. исключены бывшие Красноуфимские волости, и из обоих показателей, 1912 и 1920 гг. – будущие башкирские, т. к. авторам не удалось обнаружить данных об их численности на 1920 г.

⁵¹ Сводная база данных «Регистр населения Урала». Публичная версия доступна по адресу <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>.

⁵² Koenker D. Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // The Journal of Modern History. 1985. № 3 (57). С. 437.

и была нацелена на постоянное. Тем не менее, итоговые материалы этого обследования имеют большое значение для реконструкции территориального размещения населения Екатеринбурга, а также изучения демографии непосредственно мещан и горожан неподатного сословия.

Рис. Динамика численности жителей Екатеринбурга во второй половине XIX – первой половине XX в. / Figure. The Yekaterinburg city population dynamics, latter half of the 19th – first half of the 20th century

Примечание: * – для 1917 г. два варианта численности: ок. 70 тыс. – по данным переписи и ок. 150 тыс. – с учетом дополнительных контингентов по подсчетам А.Г. Козлова; ** – в 1926 г. численность Екатеринбурга в старых границах.

На наш взгляд, предположение о превышении Екатеринбургом отметки в 100 тыс. населения накануне Первой мировой войны, т. е. вхождение его в число крупнейших городов империи, стало значительно более аргументировано. Небезосновательность выдвинутой гипотезы реактуализирует исследования по исторической демографии Екатеринбурга начала XX в., в которых до этого, как правило, довольно некритично использовались количественные сведения самого разного происхождения, а выводы в них зачастую были излишне скоропалительными. Кроме того, имеет смысл пересмотреть ряд воззрений относительно уровня урбанизации дореволюционного Урала, который, по всей видимости, недооценен. Также в случае принятия теории о стотысячности города вновь поднимается, на этот раз более конкретно, тема «цены революции» (см. рисунок): демографическая катастрофа, сопровождавшая непрерывный социально-политический кризис 1917–1922 гг., нанесла колоссальный, до настоящего момента не до конца осознаваемый урон развитию Екатеринбурга, отбросив его в развитии фактически на 15 лет.

Рукопись поступила: 4 декабря 2019 г.
Submitted: 4 December 2019.

Библиографический список

- Алексеев В.* Город в сердце Евразии // Родина. 2003. № 8. С. 101–103.
Ахмезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78–89.
Бахарев Д.С. Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исслед-

довательские проблемы, открытия. Материалы межрегиональной конференции, приуроченной к 100-летию революционных событий в России 1917 г., 27 октября 2017 г. Челябинск: Элитпечат, 2017. С. 76–84.

- Главацкая Е.М., Бобицкий А.В., Заболотных Е.А., Вишневецкая А. В. Брачность в Екатеринбурге в начале XX в.: квантитативный анализ // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3. С. 104–121. DOI:10.15826/izv2.2019.21.3.050.
- Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М.: Ред. изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «Союзоргучет», 1936. 588 с.
- Гухман Б.А. Продукция и потребление СССР. К народно-хозяйственному балансу (1922/23 хозяйственный год). М.: Госплан СССР, 1925. 140 с.
- Козлов А.Г. О населении Екатеринбурга во второй половине 1916 и в начале 1917 гг. // Материалы Второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск: УрГУ, 1950. С. 74–80.
- Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100.
- Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 259–276.
- Миронов Б.Н. Погрузившая в смуту и украсившая победу Революция // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. № 4. С. 693–716.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.
- Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.
- Мкртчян Н.В. Внутророссийская миграция в региональных столицах и нестоличных территориях // Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 568–585. DOI:10.29003/m280.sp_ief_ras2018/568-585.
- Нарский И.В. Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3. С. 44–58. DOI:10.15826/izv2.2018.20.3.044.
- Новосельский С.А. Демография и статистика (избранные произведения). М.: Статистика, 1978. 270 с.
- Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сборник статей. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.
- Чащин А.В. Демографическая характеристика Екатеринбурга (Свердловска) в 1897–1926 гг. // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Пермский государственный университет, 4–8 февраля 2010 г.). Пермь: Пермский государственный университет, 2010. С. 138–144.
- Koenker D. Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // The Journal of Modern History. 1985. № 3. С. 424–450. DOI:10.4324/9781351145206-5.

References

- Akhiezer, A. S. “Dialectics of Urbanization and Migration in Russia”. *Social Sciences and Modernity*, no. 1 (2000): 78–89 (in Russian).
- Alekseev, V. “A city in the heart of Eurasia.” *Rodina*, no. 8 (2003): 101–103 (in Russian).
- Bakharev, D. “Gorodskaya odnodnevnyaya perepis' Ekaterinburga 1917 goda (po materialam periodicheskoi pechati).” In *Provintsial'nyi gorod v sobytiyakh 1917 goda: novye podkhody, issledovatel'skie problemy, otkrytiya. Materialy mezhhreg. konf., priuroch. k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytii v Rossii 1917 g., 27 oktyabrya 2017 g.*, 76–84. Chelyabinsk: Elitpechat' Publ., 2017 (in Russian).
- Chashchin, A.V. “Demograficheskaya kharakteristika Ekaterinburga (Sverdlovskaya) v 1897–1926 gg.” In *Rossiya i mir v kontse XIX – nachale XX veka: materialy Tret'ei vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh, aspirantov i studentov (Perm', Perm. gos. un-t, 4–8 fevralya 2010 g.)*, 138–144. Perm': Perm State University Publ., 2010 (in Russian).
- Glavatskaya, E.M., Bobitsky, A.V., Zabolotnykh, E.A., and Vishnevskaya, A.V. “Nuptiality in Early 20th Century Yekaterinburg: Quantitative Analysis”. *Izvestia of the Ural Federal university. Series 2. Humanities and Arts* 21, no 3 (2019): 104–121. DOI:10.15826/izv2.2019.21.3.050 (in Russian).

- Gozulov, A.I. and Strumilin, S.G. *Perepisi naseleniya SSSR i kapitalisticheskikh stran (opyt istoriko-metodologicheskoi kharakteristiki proizvodstva perepisei naseleniya)*. Moscow: Red. izd. upr. TsUNKhU Gosplana SSSR Publ., v/o «Soyuzorguchet» Publ., 1936 (in Russian).
- Gukhman, B.A. *Produktsiya i potreblenie SSSR. K narodno-khozyaistvennomu balansu (1922/23 khozyaistvennyi god)*. Moscow: Gosplan SSSR Publ., 1925 (in Russian).
- Koenker, D. “Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War.” *The Journal of Modern History*, no. 3 (1985): 424–450. DOI:10.4324/9781351145206-5.
- Kozlov, A.G. “O naselenii Ekaterinburga vo vtoroi polovine 1916 i v nachale 1917 gg.” In *Materialy Vtoroi nauchnoi konferentsii po istorii Ekaterinburga-Sverdlovsk*, 74–80. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1950 (in Russian).
- Kuz'min, A.I., and Orudzhieva, A.G. “Historical Demographic Portrait of Ekaterinburg.” *Izvestia of the Ural State University*, no. 9 (1998): 95–100 (in Russian).
- Mironov, B. “Town out of Village: Four Hundred Years of Russian Urbanization”. *Otechestvennye Zapiski*, no. 3 (48) (2012): 259–276 (in Russian).
- Mironov, B.N. “The Revolution That Plunged Russia into a Time of Troubles and Robbed the Country of Victory”. *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 4 (2017): 693–716 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2014 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie*. Leningrad: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Mkrtychyan, N.V. “Internal migration in regional capitals and Russia non-capital territories.” *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences* 16 (2018): 568–585. DOI:10.29003/m280.sp_ief_ras2018/568-585 (in Russian).
- Narsky, I.V. “The Civil War, Migration, and Humanitarian Disaster in Russia between 1917 and 1922.” *Izvestia of the Ural federal university. Series 2. Humanities and Arts* 20, no. 3 (178) (2018): 44–58. DOI:10.15826/izv2.2018.20.3.044 (in Russian).
- Novosel'skii, S.A., and Polyakov, L.E. *Demografiya i statistika (izbrannye proizvedeniya)*. Moscow: Statistika Publ., 1978 (in Russian).
- Pivovarov, Yu. L. “Urbanization in Russia in the 20th Century: Perceptions and Reality.” *Social Sciences and Modernity*, no. 6 (2001): 106–113 (in Russian).
- Rashin, A.G., and Strumilin, S.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Statisticheskiye ocherki*. Moscow: Gosstatizdat Publ., 1956 (in Russian).
- Sifman, R.I. “Dinamika chislennosti naseleniya Rossii za 1897–1914 gg.” In *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i SSSR: sbornik statey*, 62–82. Moscow: Statistika Publ., 1977 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Бахарев Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры археологии и этнологии, младший научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований» Уральского федерального университета.

Dmitry S. Bakharev, Postgraduate student, Sub-department of Archeology and Ethnology, Junior Research Fellow, International Demographic Unit, Ural Federal University.

Заболотных Елизавета Александровна, младший научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований» Уральского федерального университета.

Elizaveta A. Zabolotnykh, Junior Research Fellow, International Demographic Unit, Ural Federal University.